

Жанр
Техно - триллер

Код Zero:

Тайна Потерянного Кода

ЕВГЕНИЙ СКАЧКОВ

Код Zero: Тайна Потерянного Кода

«Автор»

2026

Скачков Е. А.

Код Zero: Тайна Потерянного Кода / Е. А. Скачков — «Автор»,
2026

Санкт-Петербург, 2041 год. Искусственный снег нано-сенсоров падает на шпили мертвого города будущего. Доктор Кирилл Воронцов стоит на крыше штаб-квартиры корпорации «БиоГен». Внизу его жена Алина передает террористам флешку с вирусом «Код Zero» — ключом к стиранию эталонного генома человечества. Палец ученого замер над кнопкой тревоги. Даровать людям равенство перед смертью или сохранить для элиты вечную стагнацию в идеальных телах? У него есть десять секунд, чтобы предать любовь или обречь мир. Двенадцать лет спустя. Тишину заброшенной биостанции в Иркутской тайге разрывает сигнал из прошлого. Корпорация нашла единственного генетика, способного восстановить утраченный код. Но то, что начинается как научная экспедиция сквозь кислотные дожди Москвы и ледяные серверы Норильска, превращается в смертельную гонку. За Кириллом охотятся «Охотники за хромосомами» — безмолвные солдаты Минобороны, созданные для изъятия мозга живьем.

© Скачков Е. А., 2026

© Автор, 2026

Евгений Скачков

Код Zero: Тайна Потерянного Кода

Жанр

Техно - триллер.

Название книги

Код Zero: Тайна Потерянного Кода

Пролог. Точка невозврата

Санкт-Петербург, 2041 год.

Снег над Невой больше не падал естественно. Он рождался в утробах гигантских климатических вышек «БиоГена», похожих на окаменевшие секвойи из хрома и биостёкла. Турбины втягивали влажный балтийский воздух, вымораживали его до абсолютного нуля, а затем сбрасывали вниз идеально калиброванные шестиугольники искусственного льда. В саму кристаллическую решетку воды на этапе синтеза встраивались нано-сенсоры — миллиарды микроскопических жучков, которые ежесекундно сканировали состав атмосферы на предмет токсинов, несанкционированных биологических агентов и плотности углекислого газа. Город задыхался под этим стерильным, мертвым одеялом. Сугробы здесь никогда не желтели от городской грязи, потому что грязь впитывалась еще на молекулярном уровне, отправляя тревожные пинги на серверы Департамента здравоохранения.

Доктор Кирилл Воронцов стоял на краю обзорной площадки крыши штаб-квартиры корпорации, на высоте трехсот метров над землей. Ледяной ветер, пропущенный через фильтры систем жизнеобеспечения здания, трепал воротник его форменного пальто старшего генетика. Он смотрел вниз, на площадь перед главным входом, где сквозь густую сетку синтетической метели пробивались ядовитые неоновые логотипы «БиоГена».

Там, у гранитного парапета, прямо под слепым взглядом вращающейся камеры наблюдения, его жена Алина передавала титановый микро-накопитель человеку в старомодном сером пальто с поднятым воротником. Пальто было из натуральных тканей — контрабанда, безумная роскошь по нынешним временам. Движения Алины были механическими, дергаными. Ее левое запястье плотно облегал браслет корпоративной лояльности, но сейчас диод на нем горел ровным зеленым светом: протокол безопасности фиксировал лишь повышенную влажность воздуха и ничего не знал о флешке, спрятанной в ладони.

Кирилл знал, что именно она передает. Не просто украденные терабайты зашифрованных данных или чертежи новых нейропротезов. Это был ключ к обнулению. Абсолютное оружие цифрового века — само расщепляющийся вирус-полиморф, способный проникнуть в ядро глобального сервера-хранилища ООН и точно выжечь эталонную последовательность человеческого генома. Ту самую священную матрицу, которая служила шаблоном для всех регенерационных капсул мира. Без этого кода клеточная репликация бессмертных превратится в хаос раковых метастаз за считанные часы.

— Ты сжигаешь мосты человечества ради идеи, — беззвучно прошептал он, чувствуя, как ледяные иглы впиваются в кожу лица. Его правая рука, скрытая от камер бортом плаща, медленно легла на сенсорную панель личного комм-браслета. Один свайг, подтверждающий активацию экстренного канала службы внутренней безопасности «БиоГена». Три секунды — и внизу приземлится десантный бот штурмовиков. Еще минута — и Алину вместе с человеком в сером распылит направленный ЭМИ-импульс, стерев их личности из сети навсегда.

Его палец замер в миллиметре от полупрозрачной кнопки отправки тревоги.

Он понимал ее мотивы слишком хорошо, лучше, чем кто-либо другой в этом городе. Ведь это он, доктор Воронцов, своими руками выделил ту самую митохондриальную мутацию, продлевающую жизнь нейронам до бесконечности. Корпорация обещала физическое бессмертие только элите — совету директоров, топ-менеджерам и правительственным чиновникам. Остальным восьми миллиардам людей оставалось существовать в хрупких, гниющих телах максимум до ста лет, пока их органы окончательно не отказывали без права на дорогостоящую регенерацию. Уничтожение эталонного кода дарует человечеству равенство. Равенство перед неизбежной смертью.

Внизу человек в сером кивнул, развернулся и растворился в белой мгле, унося с собой приговор золотому веку сверхлюдей. Алина осталась стоять одна, запрокинув голову. Она знала, что муж видит ее с крыши. Их взгляды на секунду встретились через биноклярный прицел расстояния. В ее глазах не было страха. Только звенящая пустота принятого решения. Она медленно приложила два пальца к губам, а затем разжала ладонь. Накопитель блеснул в мертвенном свете неона и полетел вниз, исчезая в канализационной решетке. Отрезать пути назад. Физически уничтожить улику после того, как данные уже ушли по закрытому лазерному лучу на спутник-партизан.

Взгляд Кирилла метнулся к таймеру на сетчатке глаза. Оставалось десять секунд до автоматического логирования его местоположения системой контроля периметра. Десять секунд до того, как ИИ-страж поймет, что главный генетик корпорации последние три минуты блокирует исходящие сигналы со своего комма, находясь в зоне прямой видимости инцидента.

Равенство или вечная стагнация? Свобода воли через возвращение тлена или золотой саркофаг божественной власти?

Выбор, который ему предстояло сделать ровно через десять секунд.

Палец начал давить на стекло. Но вместо подтверждения тревоги Кирилл совершил другое движение. Резкое, смазанное от скорости. Он перевел личный доступ главного генетика в режим глубокой консоли разработчика. Одним мысленным приказом он отозвал патрульных штурм ботов обратно в ангары, деактивировал внешние турели ПВО на крыше и открыл южный служебный шлюз.

А затем заблокировал все лифты, ведущие на нижние уровни, отрезая собственную службу безопасности от подземных лабораторий.

Десять секунд. Восемь. Семь.

Кирилл глубоко вдохнул искусственный, стерильный воздух Санкт-Петербурга 2041 года и шагнул с крыши вниз, на выдвижную платформу частного гравитационного лифта, уходящего не вверх, в пентхаус совета директоров, а вертикально вниз — туда, где хранились резервные копии сожженного сегодня генома. Платформа бесшумно ухнула во тьму. Если мир хочет сгореть в огне равноправия, он лично проследит, чтобы человечество забрало с собой в эту могилу правильный код. Код, который он перезапишет собственными руками, прежде чем первый удар сердца нового человечества пропустит такт.

Глава 1. Десять лет тишины

Иркутская область, Тофалария. Год 2053-й.

Солнце здесь не садилось за горизонт — оно медленно тонуло в сизой дымке Саянских отрогов, окрашивая верхушки вековых кедров в цвет запекшейся крови. Воздух был настолько плотным и чистым, что его хотелось пить. Он пах озоном, старой разогретой изоляцией, прелым мхом и густым, одуряющим ароматом свежей кедровой смолы.

Кирилл Воронцов втянул этот запах полной грудью, чувствуя, как морозный вечерний холод пробирается под потертый воротник брезентовой куртки. За двенадцать лет, проведенных на заброшенной климатической биостанции «Туманная-7», он так и не привык к этой первозданной тишине. Первые три года после падения старого мира она звенела в ушах физической болью, сводя с ума громче любой сирены гражданской обороны. Теперь же эта пустота стала единственным якорем, удерживающим его рассудок на плаву.

Цифры остались в прошлом. Навсегда. Здесь не было глобальных баз данных, нейроинтерфейсов и регенерационных капсул для избранных. Была только вечность, упакованная в генетический код таежного эндемика.

Его лаборатория располагалась в бывшем машинном зале станции. Огромные панорамные окна были заклеены изнутри плотной фольгой для сохранения тепла, но сквозь щели пробивался тусклый свет фитоламп. Внутри стоял ровный гул старых советских очистителей воздуха, которые Кирилл перебрал собственными руками, заменив микросхемы на кустарно спаянные платы. На покрытых инеем стеллажах теснились ряды стеклянных контейнеров. Внутри них, в питательном желе, созревало будущее умирающей планеты: колосья генно-модифицированной пшеницы сорта «Воронцов-Мороз». Желтые, жесткие, лишенные привычного золотого блеска, они больше походили на сухую осоку, но выдерживали температуру до минус сорока градусов по Цельсию прямо на корню.

Кирилл склонился над самым перспективным образцом. Его пальцы, когда-то нажимавшие виртуальные клавиши запуска мировых процессов, теперь огрубели и потрескались от постоянной работы с землей. В правой руке он держал мягкую колонковую кисточку. Процесс опыления требовал абсолютной концентрации. Одно неверное движение — и пыльца упадет на соседний штамм, безнадежно испортив месяцы наблюдений. Он методично переносил микроскопическую золотую пыль с тычинок одного растения на пестик другого. Движения стали ритуалом, почти молитвенным трансом. Кисточка вверх, стряхнуть излишки о край пробирки, кисточка вниз. Вверх. Вниз. Единственная математика, которую он допускал в свою жизнь теперь.

Именно поэтому внезапный звук разорвал пространство станции, как осколок стекла.

Это была не трель местной метеостанции, предупреждающей об очередном циклоне. Это был сухой, механический щелчок активировавшегося протокола связи. А следом — тяжелый, вибрирующий бас старенького спутникового терминала «Гонец-М», который Кирилл считал давно умершим. Аппаратура стояла в дальнем углу, накрытая куском армейского шинельного сукна от пыли и мышей.

У него дрогнула рука. Кисточка выскользнула из внезапно ослабевших пальцев и упала прямо на драгоценный колос, сметая всю собранную пыльцу в грязную лужицу конденсата на дне контейнера. Кирилл этого даже не заметил. Кровь отхлынула от лица, а затем ударила обратно тяжелой, горячей волной. Звук, которого не было двенадцать лет. Двенадцать лет, два месяца и четырнадцать дней.

Он пересек лабораторию в три широких шага, хотя ноги казались чужими, ватными. Старый терминал моргал тревожным янтарным диодом холодного старта. Экран, покрытый сеткой мелких трещин, залило мертвенно-синим светом загрузки. Система использовала резервный канал низкоорбитальной группировки — сигнал шел через цепочку мертвых гражданских ретрансляторов, собирая чудовищные задержки, но все же пробиваясь сквозь плотную атмосферу.

Связь стабилизировалась. На экране исчезла бегущая строка диагностики. Появилась надпись, от которой желудок Кирилла завязался узлом:

**[АВТОНОМНЫЙ ПРОТОКОЛ СВЯЗИ: УСТЬЕ]
[ШИФРОВАНИЕ: ГОСТ-Р-ИМПЕРАТИВ/9-АЛЬФА]
[ПРОВЕРКА БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ПОДПИСИ... УСПЕШНО]**

Биометрическая подпись. Значит, кто-то нашел способ считать его параметры — рисунок вен или тепловой профиль — дистанционно, взломав датчики оставленных в городе медицинских дронов, либо... либо это делает сам аппарат, сверяясь с архивами той эпохи.

Затем экран мигнул еще раз. Исчезли служебные строки пропали. Осталось лишь две мерцающие строчки текста поверх черного фона:

«Объект "Вечность" признан нестабильным. Директива "Обнуление" провалена. Фракция Бессмертных восстановила эталонный геном из изолированных узлов. Они вернулись, Кирилл».

Кирилл почувствовал, как ледяной пот выступил на спине под грубой тканью рубашки. Выходит, жертва Алины была напрасной. Корпорация нашла лазейку. Мир снова разделился на тех, кто живет вечно, и тех, кто гниет заживо. Но зачем сообщать об этом ему? Почему спустя столько лет?

Ниже текст пополз дальше, складываясь в слова, написанные знакомым сухим стилем системных уведомлений их старой лаборатории:

«Спутниковый телефон изъят из архива Роскосмоса. Питание подключено к автономному изотопному генератору. Срок службы батареи — еще сорок лет. Мы знаем координаты твоей берлоги, доктор. Скрывать пшеницу нет смысла, мы видим ее вегетацию со спутника».

Кирилл инстинктивно шагнул к окну, словно пытаясь разглядеть в темном небе хищный отблеск вражеской оптики. Если они видят вегетацию, значит, знают, что он создал оружие против голода. Идеальную еду для смертных.

«Но нам нужен не твой урожай. Нам нужна твоя голова. Тот самый полиморф-вирус, который ты заблокировал в ядре своей памяти перед уходом. Ты единственный носитель оригинала, Кирилл. Железо можно скопировать, бумажные носители сгорели, облака стерты. Только синапсы твоего мозга хранят чистую архитектуру ключа».

На секунду Воронцов позволил себе горькую усмешку. Значит, старый параноидальный протокол сработал. Двадцать лет назад, перед тем как инсценировать свою гибель в шахте гравитационного лифта, он перевел вирус из цифрового кода в биологическую матрицу, вплетя последовательность нуклеотидов в неактивные участки собственной ДНК. Чтобы уничтожить вирус, врагам пришлось бы убить его самого, разрушив каждую клетку его тела. Или забрать тело целиком.

Последняя строка сообщения горела ярко-красным, пульсируя в такт глухому биению его собственного сердца:

**[ЗАПРОШЕНА ЭКСТРЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ]
[КООРДИНАТЫ ПАДЕНИЯ ШЛЮПКИ: 54°48'12"N, 97°22'45"E]
[ВРЕМЯ ДО ПРИБЫТИЯ: 06 ЧАСОВ 14 МИНУТ]
[ПОЗЫВНОЙ ОТПРАВИТЕЛЯ: ЛАБОРАТОРИЯ "СКОЛКОВО-4"]**

Экран моргнул в последний раз и погас, переходя в режим радиомолчания. Замигал индикатор расхода топлива передатчика — сообщение сжирало остатки энергии огромного аккумулятора.

«Сколково-4».

Старый позывной подземного комплекса, где создавался проект «Бессмертие». Позывной, который принадлежал лично профессору Громову, главе корпорации «БиоГен» и человеку, чью дочь — Алину — Кирилл своими руками погубил во имя великой идеи равенства. Человек, который официально считался погибшим при штурме серверной зоны правительственными войсками в день Великого Отказа.

Кирилл подошел к своему рабочему столу. Достал из-под вороха пожелтевших распечаток спектрального анализа почвы тяжелый металлический предмет. Старый наградной пистолет системы Стечкина, выданный его отцу еще в Росгвардии. Магазин был пуст. Он положил оружие обратно. Против десантников корпоративного спецназа, которые наверняка высадятся в бронированном атмосферном шаттле, это была просто железка для самоубийства.

Взгляд упал на инкубатор с испорченным колосом. Затем — на ряды соседних контейнеров, где крепкие стебли уверенно тянулись к искусственному солнцу. Эти зерна должны были стать спасением для вымирающих поселков Сибири и Дальнего Востока. Для людей, у которых нет денег на покупку искусственных органов.

— Двенадцать лет, — хрипло прошептал он в пустой зал, обращаясь к теням прошлого. — Я похоронил вас. Я похоронил себя. Оставьте меня в покое.

Но покоя больше не существовало. Сообщение висело перед глазами, отпечатавшись на сетчатке. Спутники бессмертных видели его поле. Они знали, что он жив. И если он не придет в точку эвакуации добровольно, следующая передача может содержать не предложение эвакуироваться, а коды целеуказания для орбитального удара. Им слишком нужен его разум, чтобы просто распылить станцию.

Кирилл тяжело опустился на вращающийся стул. Старая металлическая ножка скрипнула по бетонному полу. До прибытия шлюпки оставалось шесть часов. Ему нужно было принять решение, которое определит судьбу двух миров — мира вечной жизни и мира, наконец нашедшего хлеб.

Впервые за десятилетие тишины доктор Кирилл Воронцов протянул руку и открыл нижний ящик стола, где в вакуумном пакете лежал его старый белый халат с вышитой надписью «БИОГЕН. ОТДЕЛ ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ». Запах озона в лаборатории вдруг показался предвестником грозы.

Глава 2. Звонок из мертвого прошлого

Шесть часов — это вечность, когда тебе некуда бежать, и одно мгновение, когда за тобой охотится самая могущественная структура на Земле.

Кирилл стоял у покрытого толстой коркой инея окна биостанции, вглядываясь в чернильную темноту тайги. Сообщение со спутника погасло двенадцать минут назад, но фантомный синий свет «Сколково-4» все еще выжигал сетчатку его глаз изнутри. Он ждал рева двигателей. Ждал удара десантных тросов о старую шиферную крышу. Но снаружи была только тишина, нарушаемая редким треском лопающегося от мороза дерева. Корпоративный спецназ играл с ним, как сытый кот с полевой мышью. Они дали ему эти шесть часов, чтобы он успел осознать всю тщетность сопротивления.

Поэтому, когда внутренняя панель связи над дверью внезапно вспыхнула ядовито-зеленым светом и издала серию сухих цифровых щелчков, Кирилл вздрогнул всем телом. Это был не внешний канал. Это шел вызов по старой защищенной линии через резервный геостационарный спутник Министерства обороны — ту самую линию, которую он лично законсервировал свинцовыми экранами перед своим исчезновением. Кто-то взломал протоколы Роскосмоса десятилетней давности.

— Слушаю, — голос Кирилла прозвучал глухо. В горле пересохло. Он откашлялся, сплюнув горечь в пустую банку из-под тушенки.

Динамик ответил не сразу. Сначала сквозь статические разряды пробился ровный, ритмичный гул серверов охлаждения. Затем послышался сухой кашель, звук переключаемых бумаг и характерный, едва уловимый скрип кожаного кресла. Звук, который невозможно синтезировать или подделать нейросетью. Так могло звучать только настоящее физическое тело, сидящее в настоящем кабинете где-нибудь на минус сотом этаже небоскреба «БиоГен-Прайм».

«Доктор Воронцов. Рад слышать ваш живой код», — произнес голос оператора.

Он был лишен эмоций. Абсолютно. Ни капли торжества, ни тени угрозы. Ровная, отполированная до блеска монотонность корпоративного искусственного интеллекта высшего уровня, управляющего живым человеком-куклой. Но Кирилл знал этот тембр. Голос принадлежал Михаилу Хейфецу, главному этическому аудитору корпорации. Человеку, который двадцать лет назад подписывал разрешения на утилизацию неудачных клонов так же буднично, как заказывают кофе.

— Миша? — вырвалось у Кирилла. — Ты же сгорел вместе с архивным крылом. Я видел записи с камер.

«Записи были постановочными. Как и ваша смерть в шахте лифта, доктор. Добро пожаловать обратно в мир живых налогоплательщиков».

Кирилл стиснул край металлического стола так, что побелели костяшки пальцев.

— Чего ты хочешь, Хейфец? Пришел позлорадствовать? Моя пшеница растет слишком медленно для твоих инвесторов?

«Ваша агрономия меня не интересует. Интересует архитектура. Исчезла резервная копия "Эталона"».

Эта фраза ударила под дых сильнее любого физического воздействия. Кирилл почувствовал, как ледяные пальцы предательского страха сжимают сердце. Резервная копия. Тот самый зашифрованный блок данных, который они спрятали в глубоководном сейфе Марианской впадины. Страховка человечества на случай сбоя основного сервера. Если она уничтожена...

— Невозможно, — прошептал он. — У вас было три независимых узла хранения. Геологический разлом? Тектонический сдвиг?

«Хуже. Целенаправленная аннигиляция. Физическое распыление носителя неизвестным квантовым деструктором. Мы потеряли базу. И мы потеряли людей. Единственный человек, который мог восстановить архитектуру ядра системы с нуля, числился мертвым последние одиннадцать лет, восемь месяцев и шестнадцать дней. Вы понимаете, о ком я говорю, Кирилл?»

В ушах зазвенело. Они знали про ДНК-матрицу вируса в его синапсах. Знали, что вирус нельзя просто скачать — его нужно считать напрямую с живого мозга, пока владелец спит, либо заставить проговорить последовательность вслух, доведя до грани безумия пытками.

— Архитектура стерта из моей активной памяти, — солгал Кирилл, глядя на свои дрожащие руки. — Остались только обрывки. Фантомные боли. Я выбросил ключ в океан.

«Ложь номер сорок два, доктор. Ваши старые медицинские карты показывают иное. Уровень кортизола при упоминании протокола "Обнуление" выдает вас с головой. Но дело даже не в ваших словах. Наши дальнобойные сканеры нашли ваш уникальный митохондриальный маркер в дебрях Сибири. Точнее, прямо под нами».

Митохондриальный маркер. Передающийся строго по материнской линии. Алина. Ее генетический след навсегда вплавился в его клетки во время их единственного года брака,

когда они проходили процедуру глубокой клеточной синхронизации для зачатия ребенка, которое так и не состоялось. Теперь эта микроскопическая память тела стала идеальным маяком. Спутники «БиоГена» читали его ДНК, как открытую книгу, анализируя выдыхаемый им воздух и частицы кожи.

— Что вам нужно? — хрипло спросил Кирилл. — Хотите выпотрошить мой мозг? Приезжайте. Тайга большая, патронов у меня хватит на первый взвод.

На том конце провода повисла пауза. Скрипнуло кожаное кресло. Хейфец сделал глоток чего-то горячего — микрофоны передали тонкий звон фарфора.

«Приехать? Доктор, мы уже здесь», — мягко сказал оператор. — «Точка эвакуации, указанная в сообщении со "Сколково-4", находится в сорока километрах к северо-западу от вас. Атмосферный конвертоплан класса "Призрак" вошел в ваше воздушное пространство семь минут назад. Его стелс-покрытие рассеивает тепло, поэтому ваши кустарные датчики движения бесполезны. Мы могли бы вскрыть вашу консервную банку еще час назад».

Кирилл метнулся к двери, отбросив ногой старый табурет. Он рванул засов тяжелого смотрового окошка, врезанного в толстое дерево, и прильнул лицом к ледяному стеклу. Небо на севере действительно изменилось. Вместо привычного узора звезд там пульсировало слабое, едва заметное фиолетовое свечение — преломление северного сияния в невидимом силовом поле антигравитационных двигателей.

— Если можете убить, почему не убили? — бросил он в панель связи, не отрывая взгляда от неба.

«Потому что нам нужен архитектор, а не труп. Посмотрите на свой рабочий стол, Кирилл».

Кирилл обернулся. На его лабораторном столе, поверх спектрального анализа почвы, лежала маленькая белая капсула экстренной связи. Та самая, которой не было там десять минут назад. Замки тяжелой входной двери станции тихо щелкнули, переходя в режим ожидания гостя. Механизмы внешней шлюзовой камеры пришли в движение.

— Предложение, — выдохнул Хейфец, возвращая внимание Кирилла к динамикам. — «Мы предлагаем вам вертолет...»

— Черный бронированный конвертоплан, — закончил за него Кирилл. — С медицинским отсеком полной изоляции.

«Принято. Конвертоплан. Полный штат личной охраны из ветеранов корпоративных войн. Лабораторию класса "А" в Новой Москве. Неограниченный бюджет. Любые расходники, любые вычислительные мощности. Вы восстановите ядро за полгода. После этого...»

— После этого вы снова заберете мое семя, зальете его криогель и положите в холодильник рядом с остальными талантливыми рабами, — перебил Кирилл. — А мою пшеницу сожжете напалмом, чтобы бессмертные продолжали покупать синтетику втридорога.

«После этого, доктор Воронцов, мы подпишем полную амнистию всех ваших грехов. Включая инцидент с флешкой Алины Громовой. Уголовное дело будет аннулировано. Ваша жена официально станет героиней сопротивления, погибшей ради великой цели. Вы получите чистые документы, новую внешность и право умереть от старости в своей постели. Настоящей смерти, Кирилл. Ту самую привилегию, за которую вы пытались уничтожить миллиарды жизней. Разве не этого вы хотели? Равенства?»

Равенство. Слово-триггер. Десять лет оно было его молитвой, а теперь звучало как насмешка из уст палача. Они предлагали ему сделку с дьяволом: спасти человечество от голода своими руками, чтобы потом те немногие, кто купит его хлеб, вечно служили элите.

Кирилл сбросил вызов одним резким ударом ладони по панели. Зеленое свечение погасло. В лаборатории стало оглушительно тихо, слышно было лишь тяжелое дыхание самого Кирилла да вой ветра в печной трубе.

Он остался стоять посреди комнаты, переводя взгляд с белой капсулы связи на пустой стеллаж, где должен был лежать пистолет.

Они предложили ему прощение. Прощение за то, что он чуть не оставил вечно живущих стареть и гнить. За то, что он почти подарил богатым страх смерти.

— Пусть прилетают, — процедил он в пустоту, обращаясь к незримым наблюдателям на орбите.

Но внутри Кирилл уже принял решение. Проект «Бессмертие» породил чудовище, но проект «Туманная-7» дал ему оружие. Им нужна архитектура ядра в его голове? Они ее получают. Всю, до последнего нуклеотида. Включая тот скрытый участок кода, который он заложил туда как последнюю страховку. Закладку, которая активируется не при чтении, а при попытке принудительного копирования матрицы.

Кирилл подошел к инкубатору с морозостойкой пшеницей. Среди крепких, здоровых стеблей сорта «Воронцов-Мороз» рос один, отличающийся от остальных. Его колосья имели странный, пепельно-серый оттенок, а листья слегка флуоресцировали в темноте бледно-голубым. Пыльца этого растения вызывала у грызунов мгновенную остановку сердца, распадаясь на безобидные сахара через тридцать секунд после выделения в воздух. Идеальный яд избирательного действия.

Он осторожно срезал серый колос садовым секатором.

Конвертоплан «Призрак» заходил на посадку. Кирилл надел свою старую брезентовую куртку, рассовал по карманам вакуумные пакеты с семенами обычного урожая, сунул серый колос в специальный пенал внутри термоса и закрепил на поясе флягу с питьевой водой.

— Прощай, станция, — сказал он четырем стенам. — Кажется, мне пора возвращаться в высшую лигу.

Надев тяжелый армейский респиратор старого образца — защиту от возможной газовой атаки при штурме — Кирилл Воронцов собственными руками разблокировал внешние замки

дверей заброшенной биостанции и шагнул навстречу ревушим двигателям своего смертного приговора.

Глава 3. Архив номер семь

Москва встретила его не ревом турбин, а глухим шипением кислотного дождя.

Конвертоплан «Призрак» опустился на посадочную платформу башни «Эволюция» — нового административного сердца корпорации «БиоГен», пронзающего низкие свинцовые облака. Десантный люк отошел в сторону с мягким пневматическим вздохом, и Кирилла окутало волной стерильного, искусственно ионизированного воздуха. Запах кедровой смолы и озона остался где-то за тысячу километров, погребенный под тяжестью миллионов тонн бетона и армированного стекла.

Город внизу напоминал светящийся гнойник. Неоновые рекламные проекции обещали вечную молодость прохожим, чьи лица были скрыты фильтрующими масками четвертого класса защиты. По эстакадам скользили бесшумные капсулы магнитных поездов, но тротуары оставались пустыми — простые смертные давно переселились в подземные ярусы, спасаясь от разъедающей кожу взвеси промышленных выбросов. Здесь, на высоте птичьего полета, жили только боги. И их obsлуга.

Кирилла вели по коридорам молчаливые люди Хейфеца. На них была безупречная форма службы безопасности, но двигались они как нейросети в человеческих телах — слишком плавно, без единого лишнего микродвижения. Его собственный белый халат казался здесь нелепым анахронизмом, грязной тряпкой из прошлого века.

Лаборатория превратилась в коммерческий криоцентр.

Вместо рядов хромированных столов для препарирования и центрифуг теперь тянулись бесконечные стены из матового черного полимера. За ними, подсвеченные холодным ультрафиолетом, покоились тысячи прозрачных капсул-хранилищ. Внутри каждой в густой синеватой суспензии плавали человеческие органы: идеально ровные ряды сердец цвета спелой малины, бледные легкие, оплетенные сеткой серебряных стентов, золотистые печени. Это был супермаркет бессмертия. Ценников не было, но Кирилл знал порядок цифр — одна такая почка стоила больше, чем весь урожай пшеницы Иркутской области за десятилетие.

— Сюда, доктор, — сухо бросил старший конвоир, останавливаясь перед неприметной стальной дверью в самом дальнем конце уровня. Надпись над створкой гласила: «Сектор А-7. Резервное ядро генетических эталонов. Уровень допуска: Альфа-Прайм».

Дверь выглядела монолитной, способной выдержать прямое попадание тактического заряда. Но настоящим замком служила утопленная в стену панель биосканера.

Доступ к архиву можно было получить только через генетическую аутентификацию директора проекта. Память тела против мертвого железа. Система требовала живой отпечаток ладони того, кто заложил первый камень этого фундамента — самого Кирилла Воронцова. Они могли подделать голос, лицо, радужку глаза, но митохондриальную ДНК невозможно синтезировать так, чтобы обмануть сканер военного образца пятидесятих годов. Им нужен был он сам, живая отмычка.

Кирилл шагнул вперед. Он чувствовал на себе взгляды охранников сквозь одностороннее стекло диспетчерской. Десять лет тишины закончились. Сейчас система сравнит его профиль с тем, что хранится в базе данных, увидит расхождение (ведь внутри него сидит вирус-полиморф) и поднимет тревогу. Или же Хейфец действительно нашел способ обойти протоколы безопасности?

Он приложил ладонь к ледяному стеклу сканера. Кожа коснулась холодного сенсора, и по панели пробежала сетка тонких красных лазеров. Раздалось низкое гудение — аппаратура считывала капиллярный рисунок, пульс, температуру кожи и, самое главное, структуру клеточного дыхания. Секунды растянулись в вязкую вечность. Кирилл слышал, как бешено колотится его собственное сердце, предавая своего хозяина этим красным лучам.

Система задумалась. Тихий, мелодичный писк процессора перешел в серию тревожных щелчков. Загорелся желтый индикатор: «Обнаружены неcodирующие последовательности. Анализ...».

У Кирилла перехватило дыхание. Сейчас сработает алгоритм распознавания чужеродного генома. Штурмовики за стеклом положат руки на рукояти парализаторов. Его скрутят, погрузят в медикаментозную кому прямо здесь, в коридоре, и отвезут в операционную, где аккуратно вскроют черепную коробку.

Но вместо воя сирен раздался другой звук. Мягкий, почти интимный механический «клац», с которым массивные электромагнитные ригели вышли из пазов. Затем дверь тихо пискнула, подтверждая вход, и начала медленно уползать в стену. Зеленый индикатор горел ровно и спокойно: «Директор Воронцов. Полный доступ подтвержден. Добро пожаловать домой, Кирилл».

Кто-то сохранил его права доступа.

Это было невозможно. После инцидента с Алиной Громовой корпоративная машина выгнала все упоминания о нем из активных реестров. Его цифровой слепок должен был пылиться в архиве уничтоженных личностей. Кто-то намеренно спустился в самые глубокие слои защищенного кода десять лет назад и оставил там черный ход, привязанный к его биологии. Предатель? Ошибка системы? Или часть куда более сложного плана Хейфеца?

Кирилл перешагнул порог. Тяжелая дверь отрезала его от внешнего мира, отрезала даже тусклый свет московских трущоб. Здесь царил абсолютный вакуум звука. Стены Архива номер семь были покрыты метровым слоем радиопоглощающего композита. Никакой связи, никаких дронов-шпионов. Идеальная комната Фарадея.

В центре зала стоял единственный терминал — старый, еще консольного типа, с тяжелым выдвижным креслом из натуральной черной кожи. А вдоль стен, уходя во тьму высокого потолка, располагались стеллажи со стеклянными кассетами. Никаких криокапсул с органами. Никаких искусственных сердец. Только данные. Первородный код жизни.

Кирилл подошел к главному серверу. Под монитором мигал рубиновый диод автономного питания. Экран отозвался на его приближение легким свечением, выводя личную рабо-

чую среду десятилетней давности. Те же обои с фрактальной структурой двойной спирали, тот же неудобный курсор. Время здесь остановилось.

— Кассета ноль, — хрипло произнес Кирилл. Голос эхом отразился от мертвых стен.

Механическая рука архива — сложный манипулятор из углеродного волокна — ожила над его головой. Она с тихим шелестом скользнула по направляющим рельсам вправо, минуя кассеты с данными второстепенных экспериментов. Рука замерла у самой дальней ячейки, помеченной единственным символом: греческой буквой Омега (Ω). Манипулятор мягко сомкнулся на рифленой рукоятке контейнера и с влажным чавканьем вакуума извлек его из гнезда.

Кассета легла на лоток терминала. Кирилл открыл тяжелую титановую крышку.

Внутри, в специальной ячейке из мягкого силикона, лежал пустой бокс для образцов.

Точнее, не совсем пустой. На дне коробки осталась лишь микроскопическая пыль сероватого налета — высохшие кристаллы консервирующего буфера. И тонкий слой белого пепла, похожий на сигаретный, забившийся в микрощели уплотнителя.

Архитектура ядра исчезла. Физически.

Кирилл взял бокс дрожащими пальцами. Он перевернул его, потряс над столом. Ничего. Тот самый квантовый деструктор, о котором говорил Хейфец, испарил не просто файл на сервере Марианской впадины. Он дотянулся сюда, в герметичное, изолированное от всего мира хранилище, и аннигилировал физический носитель — алмазную матрицу, которую считали неуничтожимой.

— Интересное выражение лица для человека, который получил прощение всех грехов, — раздался из динамиков интеркома голос Михаила Хейфеца. Он больше не прятался за сухой машинерией оператора. Теперь он говорил вживую, с легкой одышкой курильщика. — Вы искали свой золотой билет, доктор? Поздравляю. Его аннулировали до вашего прихода.

Кирилл медленно обернулся к потолочной камере наблюдения. Его тень падала на пустой бокс, делая черную дыру в центре лотка похожей на разинутую пасть бездны.

— Зачем вы меня вызвали? — спросил он, и в его голосе впервые за двенадцать лет прозвучал не страх загнанного зверя, а холодный, расчетливый гнев архитектора, чей чертеж украл. — Если ядра нет ни в сети, ни в физическом сейфе...

«Потому что оно здесь, Кирилл», — мягко перебил Хейфец. — «Мы солгали вам наполовину. Резервная копия "Эталона" действительно распылена. Но архитектура вируса, ваша гениальная заплатка, ваш ключ к обнулению... она никуда не исчезала. Алмазная кассета расплавилась, это верно. Но информация всегда ищет материю для воплощения. Мы знаем, где находится носитель сейчас. Именно поэтому мы дали вам полный доступ. Чтобы вы сами открыли замок той клетки, в которой сидите».

По спине Кирилла пробежал мороз, никак не связанный с климат-контролем архива. Он снова посмотрел на пустой бокс. Микроскопическая пыль на дне... Она не была пеплом

разрушенной матрицы. Приглядевшись внимательнее через монокуляр терминала, он увидел крошечные, едва различимые шестиугольники.

Нано-сенсоры. Искусственный снег Санкт-Петербурга.

Хейфец прислал ему сообщение со старого позывного, заманил в Москву, заставил приложить руку к сканеру и лично открыть дверь, которая зафиксировала его чистый генетический профиль без примесей вируса. А затем позволил найти пустой сейф.

Кирилл метнулся к терминалу, лихорадочно вбивая команды диагностики в воздух. История запросов. Логи открытия дверей. Биометрические следы.

Его прошиб холодный пот. Прямо между моментом срабатывания зеленого индикатора на двери и его шагом внутрь лаборатории, система зафиксировала исходящий пакет данных объемом в восемь терабайт. Пакет ушел по зашифрованному каналу на спутник «БиоГена».

Они использовали его ладонь не для того, чтобы впустить его. Они использовали ее, чтобы подтвердить подлинность ключа, пока сам ключ находился снаружи.

Пока он дышал воздухом Архива номер семь, молекулы которого откачивались мощным насосом, его собственная кровь уже текла в венах кого-то другого. Нейрохирурги корпорации наверняка уже заканчивают готовить анестезию. Как только анализ его слюны, оставленной на сканере, завершит дешифровку структуры ДНК-вируса, им больше не понадобится живой доктор Воронцов. Им нужна только его голова, подключенная к нейрошунту для снятия остаточных электрических потенциалов памяти.

— Вы совершили ошибку, Михаил, — тихо сказал Кирилл, глядя прямо в объектив камеры. — Вы забыли, что лучший способ спрятать дерево — это посадить его в лесу.

Он резко выбросил руку вперед и ударил кулаком по кнопке аварийного сброса термостата кассеты Омега. Скрытый механизм, предназначенный для уничтожения улики при штурме, сработал мгновенно. Лоток раскалился добела, превращая остатки пыли и пустой бокс в лужицу жидкого кремния.

Затем Кирилл развернулся и бросился к единственному предмету в этом зале, который не был частью информационной системы — к старому кожаному креслу. Он нырнул под массивный дубовый стол терминала, сворачиваясь в клубок.

— Прощайте, директор, — успел выдохнуть он в микрофон гарнитуры, прежде чем активировал ручной детонатор, примотанный скотчем к внутренней стороне столешницы.

Заряд пластида, который он собрал прошлой ночью в Иркутске из остатков авиационной аптечки конвертоплана и пронес в собственном теле, сдетонировал прямо под главным распределительным щитом Архива номер семь. Взрыв не предназначался для убийства людей. Он предназначался для создания абсолютного электромагнитного хаоса.

Свет погас. Мир утонул в беззвучной белой вспышке перегоревших синапсов.

Глава 4. Эхо Сколково

Взрыв в Архиве номер семь не уничтожил башню «Эволюция», но выпотрошил ее нервную систему.

Кирилл вывалился из сервисного технического колодца прямо в гущу уличной жизни на минус третьем ярусе, когда над головой взвыли базовые сирены гражданской обороны. Наверху, в стерильных высотках бессмертных, автоматика уже блокировала лифты и герметизировала этажи. А здесь, внизу, началась паника. Отключение главного сервера корпорации означало одно: временная заморозка всех неоплаченных контрактов на регенерацию. Десятки людей с бледными, землистыми лицами хватались за грудь — их искусственные клапаны сердца перешли на резервный аккумулятор, таймер которого отсчитывал последние минуты.

Кислородные фильтры респиратора спасали от едкого дыма, поднимавшегося из разволоженного асфальта, но запах озона все равно пробивался внутрь, смешиваясь со сладковатым ароматом гниющей синтетической плоти. Москва пахла смертью и кредитами.

След привел его в технопарк «Нижние Мневники». Когда-то это место было гордостью отечественной науки, инновационным кластером, где проектировали марсоходы. Теперь же бесконечные ангара бывшего НИИ превратились в один гигантский черный рынок аугментации. Под протекающими бетонными сводами мигали гирлянды из дешевых диодов. В лужах химикатов отражались вывески, намалеванные фосфоресцентной краской: «Печень "Хагакурэ" (пробег 50к), гарантия месяц», «Сетчатка Армитаж-7, б/у, легкое косоглазие», «Нейропорты серии "Спрут", впаянные, дешево».

Здесь торговали искусственными органами навынос, как пирожками на вокзале. Между рядов сновали сутенеры кибернетических тел, предлагая подросткам продать свои здоровые конечности ради дозы нейростимуляторов. Воздух дрожал от работы кустарных лазерных резаков и криков тех, у кого коллекторы только что изъяли имплантаты за долги прямо посреди улицы.

Кирилл двигался сквозь эту человеческую свалку, низко опустив голову и придерживая воротник плаща. Его белоснежный халат директора остался гореть под столом в Архиве вместе с терминалом, но корпоративные ищейки наверняка уже пустили по сети биометрический слепок его лица. Любой патрульный дроид мог опознать его в толпе. Он старался держаться теней, обходя освещенные прилавки, пока внезапный приступ кашля не заставил его остановиться, опершись о холодный пластиковый контейнер с надписью «БиоОпасность».

— Доктор? — раздался из темноты за контейнерами тихий, шелестящий голос. — Кирилл Андреевич? Неужели старина Хейфец решил достать вас из холодильника?

Кирилл резко обернулся, рефлекторно принимая боевую стойку, которой его обучали еще во времена службы безопасности проекта. Из-за нагромождения ржавых серверных стоек вышел человек. На нем был засаленный медицинский комбинезон, залитый желтым антисептиком. Левая рука незнакомца заканчивалась не кистью, а сложным манипулятором из титана и пластика, который тихо жужжал сервоприводами при каждом движении. Правой стороны лица практически не было — там пульсировал прозрачный полимер, обнажая работу искусственных жевательных мышц.

Но глаза остались прежними. Умные, насмешливые, чуть печальные глаза профессора Льва Давыдова. Бывший ведущий биоинформатик «Сколково-4», правая рука Кирилла, человек, который лично писал алгоритмы для расшифровки генома долголетия. Тот, кто должен был сгореть в ядерном реакторе лаборатории вместе с остальными в день Великого Отказа.

— Лева? — выдохнул Кирилл, опуская руки. — Твою мать... Я думал, ты пепел.

Давыдов хрипло рассмеялся, отчего его пластиковая скула издала неприятный скрип.

— Пепел — это слишком чистый энергетический статус для такого грешника, как я. Меня вытащили федералы в обмен на коды шифрования холодных капсул. Пообещали новые легкие. Как видишь, расплатились запчастями со свалки. — Он постучал титановым пальцем по прозрачному пластику щеки. — Зато живой. Присаживайся, доктор. Только быстро, мои сенсоры чуют патрульных шершней каждые сорок секунд.

Лев втянул его в узкий проем между двумя холодильными установками, внутри которых лежали штабеля человеческих ног разных размеров. Здесь стоял тяжелый запах формалина и разогретого канифоля. Давыдов достал из кармана два одноразовых фильтра для дыхания и протянул один Кириллу.

— У тебя на лбу написано твое ДНК, — прошипел Лев, кивая на гладкую кожу Кирилла. — Ты светишься ярче новогодней елки. Почему они просто не спустили боевых андроидов?

— Потому что им нужно то, что сидит у меня в голове, — ответил Кирилл, прижимая ледяной фильтр ко рту. — Они думают, что вирус-матрица выжила после взрыва.

Лев прищурился, внимательно изучая лицо старого друга своим единственным живым глазом. Второй, искусственный, вращался в орбите абсолютно бесшумно, сканируя инфракрасный спектр позади них.

— Она и выжила, — буднично сказал он. — Частично. Взрыв терминала сжег твои внешние синаптические связи, которые хранили оперативную память. Но ядро полиморфа действительно перешло в латентную фазу. Иначе бы детекторы на входе в метро сожгли тебе мозги еще час назад. Тебе повезло, что мы использовали квантовый деструктор направленного действия, а не объемный заряд.

— Мы? — Кирилл напрягся, снова отстраняясь в тень.

Давыдов поднял манипулятор в примирительном жесте.

— Остынь, директор. Группа «Чистые». Слышал о таких? Фанатики-анархисты нового времени. Те самые ребята, которые испарили твой алмазный сейф на дне океана. И мой тоже, кстати. Именно их след ведет к пустой кассете в твоём архиве.

Кирилл замер. Все кусочки мозаики, разбросанные Хейфецом, начали складываться в чудовищную картину. Корпорация знала про «Чистых». Возможно, сама их создала или спровоцировала, чтобы иметь повод тотальной зачистки подполья.

— Зачем анархистам архитектура ядра? Чтобы, уничтожить её окончательно? — спросил Кирилл.

— Чтобы переписать человечество заново, — Лев наклонился ближе, дыша ему в лицо запахом дешевого спирта и озона. — Им не нужна смерть элит. Им нужен глобальный откат. Стереть вообще всё — эталон долгожителей, твои морозостойкие зерна, даже базовую цепочку Homo Sapiens. Вернуть нас в каменный век, где равенство обеспечивается дубиной, а не гене-

тикой. Пустота в архиве — это не кража. Это подпись. Знак того, что старый мир мертв окончательно.

— И куда ведет этот след? — глухо спросил Кирилл. Если «Чистые» заполучили код, у него больше нет рычагов давления на «БиоГен». Ему нечего предложить Хейфецу взамен на жизнь Алины, которая теперь навсегда останется лишь строчкой в фальшивом некрологе.

Давыдов оглянулся через плечо на проходящую мимо стайку подростков с горящими оптическими имплантами. Затем снова повернулся к Кириллу. Его металлический манипулятор мягко, почти нежно схватил доктора за локоть, разворачивая лицом к схеме канализационных узлов, выведенной на грязный экран планшета.

— Сюда, — Лев подсветил фонариком самую глубокую, заброшенную ветку схемы. — Под землю. След ведет в подземелья старого правительственного бункера времен позднего СССР. Объект «Топаз-18». Он находится прямо под жилыми кварталами района Ясенево.

Кирилл нахмурился. Старая карта Москвы вспыхнула в памяти.

— Там же сейчас сплошные фавелы. Высотки стоят на плавучих фундаментах, нижние уровни затоплены...

— Внешние уровни — да. Мусор, крысы и триады, торгующие дешевым суррогатом вечной жизни, — кивнул Давыдов. — Но центральный узел связи и автономный вычислительный центр «Топаза» законсервированы так глубоко, что до них не добралась ни одна волна модернизации. «Чистые» используют советские мейнфреймы. Древнее железо, которое невозможно взломать удаленно. Оно не подключено к глобальной сети. Чтобы считать данные с твоей головы, им придется притащить тебя туда физически и подключить кабелями напрямую к процессору шестидесятих годов. Никакого беспроводного перехвата.

— Почему ты помогаешь мне, Лева? — спросил Кирилл, глядя на манипуляции коллеги. — После того как я бросил вас там, в огне...

Бывший биоинформатик на секунду замер. Его живой глаз потускнел.

— Потому что моя очередь покупать органы подходит завтра в полночь, — прохрипел он. — Мой левый желудочек сделан из переработанного пластика автомобильных бамперов. Хейфец перекрыл мне доступ к государственным квотам. Он знает, что я прячу остатки данных по проекту «Спарта» — помнишь нашу попытку создать идеального солдата без страха? Если я не принесу ему что-то стоящее сегодня, завтра мое имя появится в списке доноров черного рынка. Мне нужен транспорт до Ясенево, Кирилл. И защита. А тебе нужен вход. Охрана «Чистых» вскрывает чужаков быстрее, чем ты открываешь пакет с кофе.

Кирилл посмотрел на жалкое подобие человека, в которое превратился блестящий ученый. Лев был готов предать весь род человеческий ради лишних пары лет гниения в изношенном теле. Но именно этот сломленный, параноидальный ум знал слабые места системы лучше кого-либо другого.

— Транспорт будет, — наконец сказал Кирилл. — Угнанный гравицикл охраны. Выезжаем через десять минут.

— Гравицикл не пройдет ниже третьего транспортного кольца, электромагнитное поле старых линий сожжет ему платы, — возразил Давыдов.

— Значит, пойдем пешком, — отрезал Кирилл. — Собери аптечку. Нам понадобится много стимуляторов. И если встретим фанатиков... стреляй первым. Я больше не намерен вести переговоры о равенстве перед смертью. Я хочу вернуть свою жену.

«Твоя жена мертва, идиот», — хотел крикнуть Лев, глядя в спину уходящему Воронцову, но промолчал. Вместо этого он проверил заряд плазменного резака в своем манипуляторе. Старый бункер под Ясеным хранил секреты, за которые корпорация была готова утопить город в крови. А кровь, судя по запаху озона, исходящему от самого Кирилла, вот-вот должна была закипеть.

Они выбрались из технопарка через пролом в стене, выходящий прямо на действующие железнодорожные пути. Над ними с ревом прошел магнитный экспресс, осыпав их градом искр. Кирилл подставил лицо горячему ветру, пытаясь смыть с кожи невидимую метку корпоративных сканеров. Впереди, за кольцом жилых муравейников, темнела громада Битцевского леса, под которым, подобно гнойнику, затаилось советское прошлое, готовое породить будущее, которого никто не ждал.

Глава 5. Генетический долг

Спуск в Ясенево напоминал путешествие во времени, запущенное вспять с чудовищным ускорением.

Гравицикл пришлось бросить на границе четвертого транспортного кольца — электромагнитный смог старых советских ЛЭП действительно выжег навигационные платы аппарата за секунду до того, как машина рухнула на искореженный остов гражданского флаера. Дальше они пошли пешком. Лев Давыдов двигался впереди, его титановый манипулятор работал как идеальный сонар, прощупывая плотность грунта и обходя карстовые пустоты, заполненные радиоактивной жижой. Кирилл следовал за ним, прижимая к груди сумку с остатками своей морозостойкой пшеницы. Воздух становился все тяжелее. Запах озона исчез, уступив место густому духу вековой плесени, метана и мокрого бетона.

Вход в «Топаз-18» скрывался за фальшпанелью старой теплотрассы. За ней начиналась винтовая лестница, уходящая в такую плотную темноту, что даже ночное зрение Кирилла, слегка модифицированное еще в годы работы в корпорации для экономии сна, пасовало перед абсолютным мраком бункера. Здесь не было диодов, биолюминесцентных ламп или аварийного освещения. Свет здесь был привозным.

Их встретили на минус сотом уровне. Группа фигур выступила из боковых ниш совершенно бесшумно. Это были не оборванцы с нижних ярусов технопарка, покрытые коркой грязи и гнойниками от дешевых имплантов. И это не были штурмовики Хейфеца в стерильной броне.

«Чистые» оказались идеальными людьми.

На них была простая одежда из небеленого льна, который давно перестали производить промышленным способом. Их кожа светилась тем самым первородным здоровьем, которое Кирилл видел только в учебниках по гистологии двадцатого века. Ни одной аугментации, ни одного шрама от биопсии, ни единой расширенной поры. Идеальная работа потовых желез,

ровное дыхание, отсутствие характерного запаха стресса. Они выглядели как музейные экспонаты, эталонные образцы Homo Sapiens до начала эпохи генетических войн. Но их глаза разрушали эту иллюзию. В них не было страха смерти, потому что смерть казалась им лишь досадной системной ошибкой, которую они намеревались исправить полным форматированием мира.

— Доктор Воронцов, — произнес один из встречающих, мужчина лет сорока с абсолютно седыми висками и лицом хирурга. — Мы ждали вас. Ваши митохондрии оставляют очень заметный тепловой след.

Кирилл молча поднял руки, показывая открытые ладони. Он чувствовал направленные на него стволы старинных огнестрельных ружей — оружия, которое невозможно отследить через спутник и которое легко собрать в любой слесарной мастерской.

— Где мой код? — голос Кирилла прозвучал хрипло. Катар верхних дыхательных путей, подхваченный в сырости катакомб, уже начал давать о себе знать саднящей болью в бронхах.

Мужчина едва заметно улыбнулся краем губ.

— Архитектура ядра у нас. Алмазная кассета была лишь носителем. Информация всегда ищет материю. Сейчас она записана на магнитную ленту вычислительной машины БЭСМ-6. Выдернуть ее оттуда можно только вместе с мозгом носителя.

Из центрального зала выдвинулась женщина. Она шла сквозь ряды своих вооруженных последователей так, словно была хозяйкой этого прогнившего бетонного дворца. На вид ей нельзя было дать больше тридцати: высокие скулы, прямой аристократический нос, бледные, почти прозрачные губы и идеально гладкая кожа без намека на морщины. Лицо ангела с византийской иконы. Но когда она остановилась в трех шагах от Кирилла и посмотрела на него, он невольно сделал полшага назад. Ее зрачки имели вертикальный разрез, а радужка переливалась перламутром, как бензин на воде. Хирургическая модификация высшего класса, редчайшая и безумно дорогая, делающая взгляд гипнотическим. Глаза змеи на лице мадонны.

— Меня зовут Вера, — сказала она, и звук ее голоса заставил вибрировать стальные перекрытия потолка. Низкий, резонирующий альт, настроенный так, чтобы подавлять волю собеседника. — Я говорю от лица Чистых. Мы те, кто вернет человечеству право на ошибку эволюции.

— Ты сожгла мой архив, — процедил Кирилл. — Из-за тебя моя пшеница может стать бесполезной, если ты зацепила базовые цепочки при распылении сейфа.

— Ваша пшеница — это костыль для калеки, доктор, — мягко возразила Вера. — Вы пытаетесь заставить гнить заживо идеальное тело. Мы предлагаем ампутацию самой причины гниения. Ваш вирус-полиморф слишком изящен. Он убивает бессмертных медленно, обрекая миллиарды на ожидание естественной смерти. Это гуманизм неудачников. Наш деструктор просто нажал кнопку «Сброс».

Она подошла вплотную. От нее пахло озоном, сухим льдом и чем-то металлическим. Протянув руку, она взяла Кирилла за запястье. Пальцы у нее были ледяными, но пульс под тонкой кожей бился ровно и мощно, как двигатель океанского лайнера.

— Мы знаем про Алину Громову, — прошептала она ему на ухо, и этот шепот перекрыл гул вентиляции. — Знаем, что корпорация держит ее психоматрицу в банке данных резервации «Утрата». Цифровой призрак, привязанный к вашему ДНК-маркеру. Пока жива матрица вашего генома, Хейфец будет держать ее душу в заложниках. Он думает, что управляет вами через любовь.

У Кирилла перехватило дыхание. Холод пробежал по позвоночнику, превращаясь в тяжелый свинцовый ком в желудке. Значит, Алина не погибла в том взрыве. Ее сознание дробят сейчас где-то в дата-центрах Новой Москвы, используя как эмоциональный рычаг против него.

— Что вам нужно? — выдавил он. — Если вы уничтожили код, зачем я вам?

Вера отпустила его руку и отступила на шаг, жестом приказывая своим людям опустить оружие.

— Код уничтожения мы переписали. Теперь это не скальпель, а дубина. Зачем хирургия там, где нужна эвтаназия всего вида? Нам нужен ваш интеллект, доктор. Ваш дар смотреть в микроскоп и видеть Бога. У нас есть цель, но нет инструмента. Предлагаю сделку.

— Какую? — настороженно спросил Кирилл. Любая сделка с фанатиками имела двойное дно.

— Вы возвращаете нам архитектуру мягкого ключа, — Вера кивнула на стоящий в центре зала работающий мейнфрейм, чьи магнитные бобины тихо вращались в стеклянном корпусе. — Ту самую последовательность, которая не стирает геном, а делает его нестабильным только при контакте с сывороткой долгожительства «БиоГена». Золотая середина между вашей сентиментальностью и нашей необходимостью. Равенство через возвращение болезней элите. Взамен мы отдадим вам сервер-хранилище резервации «Утрата». Забирайте свою жену. Стирайте ее цифровой слепок окончательно. Позвольте ей умереть по-настоящему.

Сделка ударила под дых сильнее любого кулака. Спасение Алины ценой возвращения рака и Альцгеймера совету директоров «БиоГена». Вечная жизнь для тех, кто купил ее кровью миллиардов, вместо мгновенного хаоса.

Но прежде, чем Кирилл успел ответить, Вера подняла палец, требуя тишины. В огромном зале повисла напряженная пауза, нарушаемая лишь шелканьем реле старого компьютера.

— Есть вторая часть, — продолжила она. — Платежеспособные клиенты начали массово отказывать после третьей пересадки органов.

Кирилл удивленно вскинул брови. Экономика бессмертия строилась на бесконечном отреблении.

— Биологическая несовместимость? Фактор отторжения чужеродной ткани?

— Нет, — вмешался седой мужчина, стоявший за плечом Веры. Его лицо впервые искажилось тенью беспокойства. — Органы приживаются идеально. Проблема выше. Мозг отказывается платить. После третьей замены печени или сердца наступает когнитивный диссонанс четвертой степени. Клиент внезапно осознает цену своего существования. Начинается массовый суицидальный синдром среди акционеров первого эшелона. Они прыгают с балконов своих пентхаусов, вешаются на шелковых простынях или вкалывают себе обычный воздух

внутривенно. Система обновления работает безупречно, но плательщики кончаются быстрее, чем успевают состариться.

— Синдром вины выжившего, помноженный на экзистенциальный ужас вечности, — тихо сказал Кирилл. Он вдруг понял, куда она клонит. — Вы хотите, чтобы я нашел уязвимость в их системе лояльности. Закладку, которая убьет желание жить вечно раньше, чем закончатся деньги.

— Не убить, — поправила Вера, и в ее змеиных глазах мелькнул фанатичный блеск. — Очистить. Мы называем это «Генетическим долгом». Человек должен чувствовать физическую боль за каждый лишний день, прожитый сверх нормы. Вы перепишете протокол регенерации так, чтобы третья пересадка запускала необратимый распад рецепторов удовольствия. Бессмертие должно стать пыткой. Только тогда богачи сами откроют свои хранилища и отдадут ресурсы человечеству. Вы станете нашим серым кардиналом, Кирилл. Тем, кто научит богов бояться собственного отражения.

— А если я откажусь? — спросил он, хотя ответ читался в идеальной осанке людей вокруг.

— Тогда мы извлечем ваш полиморф принудительно, — ласково улыбнулась Вера. — Прямо сейчас. Наши техники подключат вас к этому БЭСМ-6. Процесс займет около шести часов. Вы будете кричать, пока синапсы не выгорят дотла. Но данные мы получим. Вашу пшеницу мы сожгли бы в любом случае — сентиментальность заразна. А вот цифровую копию Алины... мы будем транслировать прямо в ваши болевые центры во время операции. Вы будете слышать ее крик каждый раз, когда ваше собственное сердце пропустит удар от болевого шока.

Лев Давыдов, стоявший чуть позади, судорожно сглотнул. Звук его искусственного горла прозвучал в мертвой тишине как скрежет пенопласта. Он незаметно сместил вес тела, готовясь активировать плазменный резак в манипуляторе, но дула ружей «Чистых» тут же повернулись в его сторону.

Кирилл посмотрел на женщину-ангела. Она предлагала ему власть над миром. Инструментарий страшнее ядерной бомбы. Возможность сделать бессмертие проклятием.

Он подумал о двенадцати годах тишины. О запахе кедра. О колосе пепельного цвета, спрятанном в подкладке куртки. Этот яд мог решить проблему гораздо проще: превратить кровь элит в кислоту. Быстро, грязно и навсегда. Но это была логика террориста. Вера же мыслила, как истинный селекционер. Садист-селекционер.

— Покажите мне статистику смертности, — наконец глухо произнес Кирилл, снимая с плеча медицинскую сумку. — Мне нужны логи нейроинтерфейсов минимум десяти жертв синдрома. Без данных я могу прописать закладки только вслепую. И одно условие.

Вера склонила голову набок, поощряя его продолжать.

— Мой коллега, — Кирилл кивнул на Льва. — Он остается со мной. Живой и с целым черепом. Его долги перед корпорацией аннулируются вашим словом. Он — мои глаза и уши в мире железа, которого вы боитесь.

Женщина-анархист перевела взгляд на одноглазого биоинформатика. Тот побледнел настолько, насколько позволял его полимерный протез щеки, но выпрямился, пытаясь выглядеть достойно.

— Принимаю, — кивнула Вера. — Добро пожаловать домой, доктор. Работа ждет. Время — единственный ресурс, который теперь принадлежит всем поровну, но расходуется нами эффективнее.

Она развернулась и направилась к выходу из зала, в главный операционный сектор бункера. Ее люди расступились, образуя живой коридор.

Кирилл глубоко вдохнул спертый, холодный воздух «Топаза-18». Запах свободы здесь пах плесенью и смертью. Он обменял будущее человечества на призрак жены.

Следуя за Верой в недра советского суперкомпьютера, он понимал: точка невозврата осталась далеко позади, на крыше питерского небоскреба. Теперь он пересек точку отмены самого понятия человечности.

Глава 6. Охотники за хромосомами

За ним пришли не корпоративные охранники с резиновыми дубинками и тазерами, к которым Кирилл успел привыкнуть за годы работы на «Генезис». Из темноты лифтовой шахты выплыли молчаливые люди в глухой тактической одежде без шевронов и знаков различия. Они двигались слишком плавно, почти бесшумно перетекая через порог бронированной лаборатории. Ни единого лишнего жеста, ни одного сбившегося вдоха. Их шаги по рифленому металлу пола звучали как удары метронома — абсолютно синхронно, пугающе математично.

Кирилл замер у консоли секвенатора, чувствуя, как ледяная капля пота скатывается между лопаток. Он знал этот тип движения. Это была не мышечная память тренированных наемников из частных военных компаний. Это был результат нейромышечной калибровки, принудительной перестройки вестибулярного аппарата и сотен часов в виртуальных симуляторах боли. Продукт закрытого проекта Минобороны «Волна», о котором в курилках закрытых НИИ шептались как о городской легенде. Идеальные солдаты для задач, которые нельзя доверить даже самым элитным спецподразделениям ГРУ.

Их лица скрывали панорамные визоры активного камуфляжа, сливающиеся с тенями бункера глубоко под Уральским хребтом. В руках они держали не оружие для поражения живой силы. Широкие стволы парализаторов излучали мертвенное фиолетовое свечение. Им не нужен был сам Кирилл. Корпорации плевать на его жизнь, его банковские счета и его грехи десятилетней давности. Им нужен был его мозг. Живой, функционирующий, находящийся в состоянии глубочайшего стресса. Прямое считывание синапсов требовало сохранения целостности глиальной оболочки и мгновенного подключения квантового интерфейса к гиппокампу до того, как начнется необратимый распад кратковременной памяти. Они шли забрать чертежи синтетического вектора, которые теперь навсегда впечатались в его долговременную память после инъекции экспериментального ноотропа. Забрать вместе с воспоминаниями о жене, запахе озона перед грозой и вкусом дешевого растворимого кофе.

— Доктор Орлов, — голос командира прошел сквозь внешние динамики костюма, лишенный всякой интонации. Звучный баритон, пропущенный через вокодер. — Сопротивление бессмысленно. Ваши моторные функции будут подавлены через семь секунд. Положите

руки на затылок и опуститесь на колени. Вы сохраните иллюзию жизни еще на сорок восемь часов. Этого достаточно для полного дампа.

Семь секунд. Кирилл бросил взгляд на главный терминал. Индикатор завершения архивации данных издевательски застыл на девяносто восьми процентах. Еще две минуты, и данные уйдут в облачное хранилище швейцарских посредников. Если он просто сдастся, человечество получит идеальный вирус-ключ, способный переписывать геном на расстоянии. Если эти люди заберут его сейчас, мир сгорит за месяц.

Он впервые за десять лет позволил себе улыбнуться. Десять лет добровольной научной ссылки, бесконечного покаяния и страха. Десять лет он убеждал себя, что те знания стерты травмой и алкоголем. Но тело помнило всё. Пальцы системного архитектора не забыли язык машин быстрее, чем разум научился бояться.

— Иллюзия жизни меня вполне устраивает, — тихо пробормотал Кирилл, вбивая последнюю команду в обходной протокол.

Его палец завис над красной кнопкой аварийной разгерметизации. Стандартная система пожаротушения научно-исследовательского комплекса третьего класса опасности предполагала выброс тяжелого углекислого газа или инертных аэрозолей. Но три года назад, пользуясь своей неограниченной автономией, Кирилл лично перенастроил магистральные насосы высокого давления. Официально — для проведения криогенных опытов по консервации стволовых клеток. Неофициально — это было его письмо самому себе в будущее. Последняя страховка человека, который знает, что однажды за ним придут идеальные солдаты.

— Начинаю обратный отсчет, — сообщил вокодер. — Шесть...

Кирилла несло чистое, холодное отчаяние, очищенное от любых примесей надежды. Он ударил по клавише.

Enter.

В потолке с оглушительным шипением, перекрывшим вой сирен, сорвало декоративные панели. Вместо желтоватой пелены поглощающего дыма из скрытых форсунок ударили ослепительно-белые струи. Жидкий азот. Температура кипения минус сто девяносто шесть градусов по Цельсию.

Первый ряд «Охотников» мгновенно превратился в стеклянные статуи. Резина их уплотнителей треснула от термического удара, лицевые щитки взорвались облаком мелкого хрусталя. Криогенная смесь хлынула в легкие, замораживая альвеолы изнутри раньше, чем нервная система успела подать сигнал паники. Они рухнули на пол беззвучно, разбиваясь при падении на тысячи хрупких, дымящихся осколков.

Второй ряд попытался отступить, активируя термоизоляционные поля своих экзоскелетов. Синхронность дала первую трещину: один из солдат замешкался на долю секунды, поскользнувшись на замерзшей луже гидравлики. Кириллу этого хватило. Он нырнул под рабочий стол, хватая со стенда тяжелый титановый манипулятор.

Третьему повезло больше всего. Его костюм выдержал первый залп, покрывшись лишь толстой коркой инея. Он шагнул вперед, поднимая парализатор. Визор очистился встроенным подогревом, и на Кирилла уставилась черная пустота оптики.

Ученый метнулся ему навстречу, игнорируя обжигающий холод азота, уже начавший хватывать края его собственного халата. Азот стелился по полу густым белым туманом, заполняя низины бункера. Кирилл прыгнул прямо на дуло парализатора, используя инерцию, и всем весом обрушил титановую руку манипулятора на стык шейных бронепластин солдата. Раздался звук ломающейся сухой ветки — лопнули сверхпроводящие кабели питания шлема. Солдат сделал еще один механический шаг и завалился назад, запрокинув голову под неестественным углом.

Вокруг стремительно темнело. Жидкий азот быстро выкипал, пожирая кислород из замкнутого объема лаборатории. Легкие Кирилла горели огнем, голова начала кружиться от гипоксии и дикого выброса адреналина. Он чувствовал, как немеют пальцы ног. Система жизнеобеспечения бункера заблокировалась вместе с основными дверями, перейдя в режим карантина. До прибытия основной группы штурмовиков корпорации оставалось около четырех минут. До полной потери сознания от нехватки воздуха — меньше тридцати секунд.

Сквозь пляшущие черные пятна перед глазами он увидел то, ради чего затеял эту самоубийственную заморозку. Мороз сковал сервоприводы главного шлюза, намертво заклинив электромагнитные ригели в промежуточном положении. Образовалась щель. Шириной ровно в двадцать сантиметров. Достаточно узкая, чтобы остановить боевого андроида, но достаточная для того, чтобы просунуть туда флешку.

Собрав последние остатки тепла в груди, Кирилл пополз по ледяному полу, оставляя за собой кровавый след — кожа примерзала к металлическим ступеням лестницы. Дрожащими руками он извлек из нагрудного кармана изолированный кейс. Бросил его в щель шлюза, в спасительное тепло технического коридора, где продолжалась тихая загрузка архива. Девяносто девять процентов. Данные ушли.

Сознание уплывало, уступая место звенящей темноте и абсолютному нулю. Сил подняться уже не было.

Где-то далеко, за слоями бетона, стали и жидкого азота, командир второй волны «Волны», остановившийся у подножия горы, принял короткое сообщение:

«Цель применила нестандартный метод изоляции. Объект уничтожает собственный биологический ресурс. Переходим к фазе извлечения».

Они начали прожигать внешнюю переборку направленным плазменным резаком. Раскаленная игла медленно, но верна ползла к замороженному телу ученого, которому предстояло умереть еще несколько раз, прежде чем его мозг подключат к главному серверу Министерства обороны.

Глава 7. Бункер под Ясенево

Старый правительственный узел связи «Ясенево-4» не значился ни на одной из современных схем метрополитена и подземных коммуникаций Москвы. Спутниковый сигнал ГЛОНАСС здесь слеп, вяз в многослойной броне из свинца и обедненного урана, словно в густой

патоке. Навигационные чипы выдавали лишь белый шум и фантомные координаты Кремлевской стены. Кирилл спускался сюда по памяти, следуя за едва уловимым гулом геотермальных теплообменников — тем самым звуком, который десять лет назад снился ему в кошмарах после того, как он собственноручно инициировал протокол герметизации.

Тяжелая гермодверь весом в двенадцать тонн отошла в сторону с оглушительным скрежетом давно высохшей смазки. В лицо ударил спертый воздух, пахнувший озоном, пылью мертвого кремния и чем-то сладковато-медицинским. Стены хранили память о холодной войне: выщербленный бетонный монолит был прошит километрами бронированного оптоволокна, а под потолком тянулись ржавые артерии старой пневматической почты. Это место строили параноики для параноиков, рассчитывая пережить прямое попадание термоядерного заряда и десятилетиями управлять страной по проводам, когда небо над головой превратится в стекло.

Центральный зал серверной встретил его мертвой тишиной. Сотни стоек с вычислительными блоками девяностых годов стояли ровными рядами, покрытые толстым слоем серой пыли. Магнитные ленты рассыпались в прах от времени, но их вакуумные копии все еще вращались в архивных модулях, охлаждаемые промышленными чиллерами. Здесь время остановилось первого января двухтысячного года.

Кирилл прошел мимо главного пульта управления, бросив короткий взгляд на пожелтевший журнал дежурств. Последняя запись датирована семнадцатым августа тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Дальше — только росчерк лазерного резака на стальных панелях. Кто-то вскрыл этот бункер изнутри гораздо позже распада СССР, используя технологии, которых просто не могло существовать в эпоху аналоговых ЭВМ.

И тогда он увидел то, чего быть абсолютно, категорически не могло.

Прямо посреди зала, там, где раньше стоял главный мейнфрейм системы противоракетной обороны, возвышалась капсульная камера жизнеобеспечения класса «Медуза-М». Полупрозрачный кокон из армированного броне керамикой биостекла высотой в человеческий рост. От него отходили четыре гофрированных шланга, исчезавших в полу, и толстый пучок экранированных кабелей, напрямую подключенных к независимому малому реактору РБМК, скрытому за фальшпанелью дальней стены. Счетчик Гейгера на запястье Кирилла тихо щелкнул и тут же ушел в защиту — радиационный фон вокруг капсулы был идеально чистым благодаря массивным электромагнитным ловушкам. Кто-то питал эту машину вечности энергией атома, полностью отрезав ее от городских сетей.

Сердце пропустило удар, а затем сорвалось в галоп, больно ударяя в ребра. Он узнал систему охлаждения. Узнал состав полимеров. Эту установку проектировал он сам. Десять лет назад. Для проекта «Феникс», который руководство Минобороны закрыло за три дня до его официальной презентации, назвав ересью и бесполезной тратой оборонного бюджета. Кто-то не просто сохранил чертежи. Кто-то построил работающий прототип.

Под подошвами тяжелых армейских ботинок захрустело стекло. Кирилл подошел вплотную, прижимая ладони к ледяной поверхности кокона. Изнутри на него смотрела абсолютная пустота стерильной среды.

Внутри, медленно покачиваясь в густом растворе синтетической амниотической жидкости бледно-желтого цвета, плавала Алина. Его жена.

Живая.

Ее глаза были закрыты, длинные темные волосы свободно парили в толще геля, обрамляя бледное, почти прозрачное лицо. На груди ритмично пульсировала матовая полусфера внешнего кардиостимулятора, соединенная титановыми спицами прямо с грудной клеткой. Трубки искусственной вентиляции входили прямо в трахею, тонкие иглы капельниц впивались в вены на локтевых сгибах.

Дышать стало физически тяжело. Воздух подземелья вдруг показался раскаленным. Десять лет назад он держал на руках то, что осталось от нее после взрыва экспериментального плазменного генератора в лаборатории «Генезиса» под Новосибирском. Он видел отчет судмедэкспертизы. Видел фрагменты тела, собранные в черный пластиковый мешок. Ожоги четвертой степени покрывали восемьдесят пять процентов площади кожного покрова. Взрыв испарил левую часть черепа и практически уничтожил правую ногу ниже колена. То, что смогли достать из-под завалов пожарные, не подлежало даже базовой реанимации. Он лично подписал согласие на отключение аппарата ИВЛ. Он собственными руками нажал кнопку вызова крематория закрытой зоны. Прах развеяли над Обским морем.

Но тело, которое сейчас покоилось перед ним, было целым. Почти все.

Кирилл провел дрожащими пальцами по стеклу, повторяя контур ее плеча. Кожа выглядела идеальной — гладкой, упругой, лишенной малейшего намека на рубцовую ткань. Но она была неправильной. Приглядевшись сквозь преломление жидкости, он заметил отсутствие естественных пор. Под эпидермисом, видимым благодаря специальной подсветке капсулы, вместо привычной сеточки капилляров змеилась тончайшая золотистая паутина. Биополимерная арматура. Ее собственная мышечная масса была заменена плотным сплетением искусственных волокон миозина — технология, которую они разрабатывали вместе последние полгода перед катастрофой, тестируя ее исключительно на крысах. Она стала сильнее любого человека, сохранив при этом внешнюю хрупкость.

Взгляд упал ниже, на левое бедро. Вместо кожи там стыдливо мерцал титановый протез, соединенный с тазобедренным суставом через биоактивный интерфейс. Часть ее костей была заменена на углеродное волокно. Левая глазница зияла пустой темнотой, но рядом, из виска, выходил тонкий оптический кабель, терявшийся в переплетении проводов под сводом капсулы. Они вытащили ее буквально с того света, собрав по частям, превратив в безупречную, чудовищную химеру из плоти и военного хай-тека.

— Не смотри туда, — раздался тихий, лишенный возраста голос из скрытых динамиков под потолком. Сухой, надтреснутый, знакомый до зубного скрежета. — Она бы этого не одобрила.

Из тени между серверными стойками выступил человек. Старик в потертом белом халате, подпоясанном обычной бельевой веревкой. Лысину окружал венчик редких седых волос, кожа на лице напоминала пергамент, туго натянутый на череп, а кисти рук состояли из сплошных металлических протезов, тихо жужжащих сервоприводами при каждом движении. Академик Воронов. Руководитель проекта «Волна». Человек, которого Кирилл считал погибшим во время чистки девяносто третьего года.

— Ты удивлен, мальчик? — Воронов проковылял ближе, опираясь на трость с тяжелым набалдашником из оружейного плутония. — Думаешь, мы действительно похоронили наш лучший экземпляр? Мы просто забрали государственную собственность со свалки, куда ты ее выбросил. Пришлось повозиться. Нейронная сеть выгорела почти полностью, пришлось писать базовую матрицу личности заново, опираясь на твои старые архивы переписки. Моторика... ну, сам видишь. Зато теперь ее синапсы выдержат прямое подключение квантового ядра без риска аннигиляции сознания. Идеальный носитель.

Кирилл почувствовал, как кровь отливает от лица. Протокол «Феникс» никогда не предназначался для воскрешения. Это была программа создания идеального изолированного контейнера для переноса человеческого разума в цифровую среду. Жизнеобеспечение поддерживало лишь вегетативные функции — дыхание, кровообращение, минимальную активность ствола мозга. Сама Алина, ее личность, ее воспоминания, ее любовь к сухому красному вину и старым французским фильмам — всего этого больше не было. Внутри этой совершенной оболочки сейчас находилась лишь заготовка. Форматированный жесткий диск, готовый принять загрузку данных Министерства обороны.

— Где карта, Кирилл? — старик поднял свою металлическую руку, и из указательного пальца с тихим щелчком вышло тонкое лезвие нейрохирургического скальпеля. — Проект «Волна» устал ждать. Нам нужен вектор синтеза. Тот самый, что спрятан в гиппокампе твоего дорогого друга Петра. Петр кричал очень долго, прежде чем отдал ключи. Теперь твоя очередь делиться. Только, в отличие от него, твой мозг останется биологически чист. Большую его часть мы оставим тебе. Нам нужна лишь кора, отвечающая за пространственное мышление. Остальное пойдет на корм червям или в котел с жидким азотом — смотря что быстрее подвезут штурмовики.

За спиной Воронова, проломив остатки фальшпотолка, бесшумно приземлились трое охотников из «Волны». Их тактическая одежда дымилась после прохождения через сожженную плазмой вентиляционную шахту. Визоры синхронно вспыхнули красным, беря ученых в перекрестья целеуказателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.